

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Шибаева Владимира Сергеевича
на тему
«Культурная специфика когнитивных процессов в дифференциальном
функционировании заданий теста СПМ+ на материале исследования
русского и якутского этносов»,
представленную на соискание ученой степени кандидата психологических
наук
по специальности 19.00.01 – общая психология, психология личности,
история психологии

Представленная на рассмотрение работа посвящена описанию культурной специфики когнитивных процессов представителей русского и якутского этносов, проявляющихся при решении заданий теста «Стандартные прогрессивные матрицы Равена плюс» (СПМ+). Оценивалось дифференциальное функционирование заданий теста СПМ+ с помощью анализа DIF (Differential Item Functioning). Проверялись четыре гипотезы:

1) тест СПМ+ характеризуется, в целом, инвариантностью измерения при использовании его в исследованиях с участием представителей якутского этноса;

2) на фоне общей инвариантности измерения тестом СПМ+, отдельные его пункты обнаруживают дифференциальное функционирование, источником которого является культурное своеобразие мышления представителей якутского этноса;

3) дифференциальное функционирование пунктов теста СПМ+ модулируется уровнем интеллекта, при высоких значениях которого возможна нивелировка культурной специфики когнитивных процессов у представителей якутского этноса вследствие более эффективного усвоения макросредовых воздействий;

4) дифференциальное функционирование пунктов теста СПМ+ проявляет возрастную вариативность: различия между русскими и якутскими детьми с возрастом сглаживаются в силу сходных макросредовых воздействий, транслирующих эталонный способ решения заданий теста.

Было показано, что:

1) Анализ дифференциального функционирования пунктов теста является эффективным средством оценки инвариантности измерения интеллекта в межэтнических исследованиях. Дифференциальное функционирование проявляется в том, что вероятность правильного ответа на пункт теста является различной для обладающих одинаковым

интеллектом представителей разных этнических групп, что обуславливается своеобразием их когнитивных процессов.

2) Измерение интеллекта с помощью теста СПМ+ у представителей якутского этноса характеризуются, в целом, инвариантностью относительно аналогичного измерения у представителей русского этноса.

3) Дифференциальное функционирование некоторых пунктов теста СПМ+, выявленное при сравнении русского и якутского этносов, обусловлено разной эффективностью выделения оппозиций признаков, необходимого для успешного решения этих пунктов; эта эффективность обеспечивается аналитическим стилем мышления.

4) При высоком интеллекте дифференциальное функционирование пунктов теста СПМ+, обусловленное этническим своеобразием когнитивных процессов, сглаживается.

Диссертация состоит из трех глав, содержит 12 таблиц, 10 рисунков, 4 приложения. Объем основного текста составляет 175 страниц. Список литературы включает 254 источника, 195 из которых – на иностранном языке.

По результатам представленного исследования опубликовано 3 научных статьи и 4 тезисов, в т.ч. на иностранном языке.

Актуальность работы связана, в первую очередь, с возрастающим интересом к кросс-культурным исследованиям интеллекта и необходимостью понимать и учитывать качественную специфику работы интеллекта с учетом микро- и макросредовых факторов, в т.ч. социокультурных. Несмотря на то, что как ученые, так и общество в целом все больше осознают перспективность такого подхода, исследования на эту тему о сих пор являются редкостью, особенно в русскоязычном пространстве. Особенно важно подчеркнуть, что в рамках своей работы диссертант осуществляет проверку осуществляется проверка на инвариантность измерения одного из наиболее часто используемых в исследованиях интеллекта и широко распространенного теста – матриц Дж. Равена. Особенность работы заключается в том, что в проводившихся ранее проверках этого теста либо использовались не вполне релевантные методы, либо они проводились на недостаточно больших выборках. В данной работе используется релевантный метод – анализ дифференциального функционирования пунктов теста, и проверка проводится на крупных выборках (всего более 1500 респондентов).

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые проведен анализ дифференциального функционирования пунктов СПМ+, а также сопоставление уровня психометрического интеллекта и успешности выполнения отдельных заданий теста представителями якутского и русского этносов; также результаты анализа дифференциального функционирования

пунктов теста, и анализ ошибочных ответов на пункты СПМ+, впервые были использованы для выявления этнической специфики когнитивных процессов.

Теоретическая значимость исследования связана с тем, что оно вносит вклад в развитие представлений о культурной опосредованности когнитивных функций и в понимание сущности мыслительных процессов в целом.

Практическая значимость работы обусловлена возможностью использования ее результатов для психологической практики – в первую очередь, интеллектуального тестирования и разработки индивидуальных психологических рекомендаций, а также для подготовки психологов, работающих в сфере психодиагностики.

Несомненным достоинством обсуждаемой работы является смелость ее автора, не побоявшегося обратиться к анализу социально-значимой проблематики, связанной с этнической спецификой психических явлений, приобретшей в последнее время острую и местами болезненную значимость. Автор продемонстрировал хорошее владение как классической, так и современной научной литературой по рассматриваемой им проблеме, он прекрасно ориентируется в англоязычных источниках, что видно в тексте литературного обзора. Отдельно хотелось бы отметить искреннюю увлеченность и заинтересованность автора в рассматриваемой им проблематике и равнодушное отношение к ней, что хорошо просматривается в тексте, содержащем детальный анализ всех имеющих отношение к теме диссертации проблемных областей психологии.

Поскольку эмпирическая часть посвящена подробному и тщательному анализу психодиагностического инструмента, стоит сказать о тонком владении автором современными психометрическими и статистическими практиками, которые используются для проверки сформулированных им предположений. Отдельный интерес при этом представляет качественный анализ ответов представителей различных выборок участников (русских и якутов) на разные пункты СПМ+, а также специально осуществленный анализ типов допущенных ими ошибок. На мой взгляд, эти результаты представляют отдельный научный интерес и характеризуются заметной новизной, поэтому заслуживают быть опубликованными в рамках самостоятельной научной работы.

Вместе с очевидными достоинствами работы, она содержит в себе и ряд недостатков:

- 1) обращает на себя внимание заметная разница в качестве текста введения (написанного хорошим, выверенным и стилистически безупречным научным языком) и остального текста диссертации (содержащего большое количество

грамматических («более позднее», с. 162) и пунктуационных ошибок, неряшливостей (отсутствующих пробелов), опечаток и даже пропусков слов или использований их в несловарных значениях («щепетильный» вместо «щекотливый», с. 36);

- 2) автор щедро цитирует работы Дж.Ф. Раштона – исследователя, работавшего в области т.н. науки о расовых различиях (race science), или научного расизма (scientific racism), и имевшего крайне неоднозначную академическую репутацию. Немаловажно отметить, что эта репутация сформировалась задолго до появления современного дискурса толерантности (движение #BLM и т.п.) и была связана с прямыми этическими нарушениями ученого, а также с откровенно дискриминационными социально-значимыми выводами, которые он формулировал на основе своих работ и многие из которых представляли собой неоправданную генерализацию. С критикой его методологических программ и общей риторики неоднократно выступали многие исследователи интеллекта. Можно было бы рекомендовать автору более осторожно подходить к выбору источников. В целом есть и ряд более общих замечаний к качеству цитирования: некоторые ссылки приведены небрежно и без указания всех необходимых данных, на некоторые работы и вовсе нет ссылок (например, на работы Т. Моммзена, с. 36, П. Балтеса, с. 73 и др.), а ссылки на некоторых авторов представляются случайными (так, при описании двуязычия диссертант цитирует малоизвестного автора З.У. Блягоз, игнорируя при этом многочисленные классические работы на эту тему (например, Э. Бялысток);
- 3) сам термин «раса», который используется в работе, автор не определяет. Учитывая сложность этого конструкта, а также современный спор о его содержательном наполнении (см., например, Yudell, M., Roberts, D., DeSalle, R., & Tishkoff, S. (2016). Taking race out of human genetics. *Science*, 351(6273), 564-565.), целесообразно было бы привести определение. Аналогично с этим обязательно нужно было бы привести определение центрального для работы понятия этноса, которого также нет в тексте. Учитывая социальную значимость темы, которой посвящена диссертационная работа, глоссарий был бы более чем уместен;
- 4) работа имеет нетрадиционную структуру: в то время как чаще всего первая глава представляет собой литературный обзор, вторая – описание методов и процедуры исследования, а третья – результаты и их обсуждение, в данном случае первые две главы являются обзорными (и занимают 123 страницы из 175 страниц основного текста диссертации), а сама эмпирическая часть помещается в третьей. Автор не обосновывает этот выбор, который при этом представляется спорным: обзор выглядит чрезмерно затянутым и недостаточно структурированным, в т.ч. содержит явные логические

нестыковки. Например, на с. 64 приводятся выводы по первой главе, которая, однако, на этом не заканчивается, а продолжается пунктом 1.5. В целом литературный обзор можно было бы сделать более сфокусированным именно на проблеме исследования, сократив за счет пересказа общеизвестных фактов из истории изучения интеллекта, которые имеют мало отношения к основной сути работы и, более того, никак не фигурируют в обсуждении;

- 5) при описании выборок исследования автор не указывает, каким образом рекрутировались участники (преимущественно несовершеннолетние): было ли получено согласие их родителей на участие детей в исследовании, а также проходила ли процедура исследования оценку в каком-либо из профильных этических комитетов. В тексте работы указано, что тестирование проходило во время выделенного под него урока, из чего складывается впечатление, что в соответствии с педагогическими практиками, доминирующими на постсоветском пространстве, согласия участников не спрашивали, что не только является этическим нарушением, но и могло сказаться на полученных результатах. Более того, вызывает сомнения сопоставимость выборок: 94% представителей русских были учащимися Академического лицея города Томска – специализированного учебного заведения для одаренных детей. При этом другая часть русской выборки состояла из детей, находящихся во Владивостокском летнем лагере, куда их вывезли во время крупного наводнения на Амуре. Очевидно, что учащиеся привилегированного лицея, выполняющие задания СПМ+ в привычной и комфортной для себя домашней среде, и дети, делающие то же самое будучи вывезенными в лагерь из-за стихийного бедствия, от которого пострадал их родной регион и, возможно, близкие – не самые сопоставимые между собой выборки. И хотя автор сам делает вывод о нерепрезентативности русской выборки и обещает учитывать этот факт при интерпретации результатов своего исследования, для читателя так и остается открытым вопрос о том, почему на этапе планирования исследования не была организована репрезентативная выборка. Неужели в РФ такие сложности с формированием русской выборки? Также автор не объясняет, почему якутская и русские выборки почти в два раза отличаются друг от друга по объему. Если это как-то обусловлено целями исследования, то об этом стоило бы написать прямо, если же это случайность, то возникают вопросы к планированию дизайна работы;
- 6) также было бы интересно узнать, какую инструкцию получали участники исследования – особенно в той части, которая касалась предоставления анкетных данных, а частности, самоотчетных сведений об этнической принадлежности. К сожалению, эта информация в работе не приведена, потому сложно судить о достоверности полученных данных. Этот момент было бы интересно рассмотреть более подробно, особенно с учетом того

факта, что последняя Всероссийская перепись населения показала, что даже среди взрослых опрошенных есть те, кто идентифицируют себя как эльфы, гоблины и гномы. Можно ли предполагать, что, отвечая на вопрос о собственной этнической принадлежности, дети могут дать ответ, как у соседа по парте, или просто не понять запрос исследователя?;

- 7) одной из исходных предпосылок исследования выступает предположение о том, что представителей русского этноса в большей степени характеризует аналитический стиль мышления, в то время как представителей якутского этноса – холистический (см. с. 124). Это утверждение принимается за истину и служит основанием для выбора и дальнейшего сопоставления друг с другом двух этносов (так, неоднократно утверждается, что у якутов есть когнитивные особенности, связанные с типом переработки информации), однако не подвергается никакой предварительной эмпирической проверке. Диссертант пишет на с. 109 «Есть некоторые основания, позволяющие предполагать более широкое распространение холистического (и, соответственно, меньшее аналитического) типа мышления у якутов, чем у русских. [...] В Якутии холистический стиль мышления у коренного населения может передаваться только через социальную микросреду, тогда как социальная макросреда является проводником аналитического стиля», но, к сожалению, не приводит никакого обоснования этих утверждений, которые являются идейным фундаментом всей эмпирической работы и при этом формулируются исключительно как умозрительные положения. Качественный (экспертный) анализ ответов участников на предмет выявления культурной специфики их мышления осуществляется на материале основного пула данных, однако целесообразным было бы проведение отдельной проверки этого предположения с использованием другого измерительного инструмента – до начала основного этапа исследования и принятия решения о сопоставлении двух конкретных этносов;
- 8) периодически допускается смешение или подмена логических понятий: так, на стр. 71-72 приводится описание работы Lai и Leung (2012), в которой якобы говорится о сопоставлении *китайских и англоговорящих* (на самом деле – Chinese-speaking и English-speaking) детей; на стр. 123 читаем: «Качественное своеобразие мышления монголоидов хорошо описано в работах Р. Нисбетта, характеризующего его как холистическое в противоположность аналитическому европейскому мышлению». Очевидно, речь идет не о монголоидах в антропологическом смысле, а о носителях восточной (азиатской) культуры, противопоставляемой в данном контексте культуре европейской в самом широком смысле (включающей и североамериканское культурное пространство, и страны Содружества).

- Подчеркнем, что сам Р. Нисбетт при этом пишет не фенотипических различиях, а именно о культурных, которые фенотипом не определяются;
- 9) автор на с. 116 утверждает, что его работа основывается на структурно-динамической теории интеллекта Д.В. Ушакова, однако полученные им данные никак не обсуждаются в контексте этой теории и не интерпретируются в ее русле;
- 10) раздел «Обсуждение» как таковой вовсе отсутствует, а этот факт никак не оговаривается и не обосновывается в тексте работы.

Высказанные замечания нуждаются в подробном обсуждении. Несмотря на них, данная диссертационная работа соответствует квалификационным признакам и требованиям ВАК России, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор Шибаев Владимир Сергеевич достоин присуждения искомой ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии.

Кандидат психологических наук,
доцент, доцент кафедры общей психологии
Санкт-Петербургского
государственного университета

О.В. Щербакова

14.06.2021

ЛИЧНУЮ ПОД
О.В. Щербаковой
ЗАВЕРЯЮ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ СПбГУ
Н. К. КОРЕЛЬСКАЯ